

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература и фольклор

РЕФЛЕКСИЯ В РОМАНЕ ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

И.С. Юхнова

В статье «Неоценимый ум» В. В. Розанов воспроизводит такое наблюдение К. Леонтьева о «Войне и мире» Толстого: «В то время (в начале XIX века. — *И.Ю.*) люди были очень образованы, начитаны; но в них не было сложности душевной жизни, развившейся гораздо позднее, лишь во второй половине XIX века»: и образ как Пьера, так и Андрея Болконского сделан «слишком горельефно (с сильным углублением внутрь), а не барельефно» — и тем нарушает историческую правду¹.

Действительно, потребность в осмыслении диалектики процессов, происходящих в обществе и сознании отдельной личности, возникает у последекабристского поколения — именно к этому поколению принадлежали любомудры, Лермонтов, Тютчев и т.д. Отличительной чертой их мышления стала философичность, обращенность в глубины сознания, души человека, самоанализ, рефлексия². Очень ярко эта особенность мышления человека 30-х годов была воплощена в романе Лермонтова «Герой нашего времени».

В романе очень важна точка зрения героя-рассказчика, его внутренний мир, его трактовка событий, так как в записках странствующего офицера, журнале Печорина, «истории» Максима Максимыча переплетаются точность в изложении событий и осмысление, анализ того комплекса чувств, мыслей, переживаний, ассоциаций, которые порождены этим событием, происшествием, встречей. Таким образом, в романе сопрягаются информативное и рефлексивное, поток «живой жизни» и жизнь души.

Исследователи традиционно говорят о «гамлетовском» типе сознания Печорина, который расчленяет чувство, все движения своей души подвергает беспощадному анализу. Мысль у него предваряет поступок, действие. На их взаимосвязь указывает сам Печорин: «...идеи — создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует...».

Печоринская рефлексия хотя и доминирует в романе, но не является единственной. Так или иначе разлагают свое чувство, подвергают его анализу и другие персонажи. В этом смысле и Максим Максимыч — также рефлексивный герой. Правда, эта рефлексия направлена не столько на себя, на «свой» мир, сколько на другого. Объектом анализа становится не настоящее, а прошлое, уже пережитое, отложившееся в душе как яркое жизненное впечатление. Настоящее же проживается без опустошающего самоанализа; поступки Максима Максимыча естественны; в своей поведенческой деятельности штабс-капитан ориентирован на норму, образец, ритуал. По этой причине у него не возникает потребности в «просчитывании» возможных последствий совершаемого поступка, да и от людей он не ждет иных, отклоняющихся от ритуала вариантов поведения. Любые отступления от стереотипа, следствием которых оказывается неожиданный поворот в развитии

ситуации, опустошают его (достаточно вспомнить встречу с Печориным на Владикавказской станции).

Особенностью мироощущения Максима Максимыча является «приятие действительности»³ такой, какая она есть (это касается и иной, горской, культуры), и, лишь вспоминая прошлое, Максим Максимыч начинает задавать вопросы и искать на них ответы.

Именно поэтому в рассказе штабс-капитана о Печорине и возникают переключения «на себя», ответвления от основной линии повествования. Но каждое отступление обусловлено конкретным жизненным впечатлением, мысль Максима Максимыча неотрывна от конкретной жизненной ситуации.

Иначе отражает действительность сознание Печорина. Его рефлексия также во многом обусловлена внешними жизненными коллизиями, но и сама реальность предстает на страницах дневника преображенной, так как очень ярко дают о себе знать ощущения, особенности восприятия самого Печорина. Все портретные, пейзажные зарисовки, все мимоходом набросанные житейские сценки — это взгляд самого Печорина, это действительность, отраженная его сознанием.

Мысль Печорина развивается прихотливо: то она сосредоточена на конкретном жизненном факте, то на смутных, плохо осознаваемых ощущениях, то прогнозирует события, то воскрешает давние, уже позабытые воспоминания. Для того чтобы мысль, направленная вглубь себя, вытеснила все впечатления от хитросплетений жизни, Печорину не нужен внешний стимул. Источником, исходной точкой его размышлений не всегда становится реальный жизненный факт. Именно поэтому дневниковые записи могут не содержать в себе рассказа о каком бы то ни было происшествии. Событием в этом случае становится сама рефлексия, сама потребность в размышлении о своем внутреннем состоянии, о побудительных мотивах поступков. Такова, например, запись от 14-го июня («Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю других?..»).

Рефлексия Печорина — динамичный поток эмоционального, интуитивного и рационального, субъективного и объективного. Она сложна, Печорин в частном стремится уловить универсальное, всеобщее и выразить свои наблюдения в отточенной словесной форме.

Между робкими попытками анализа жизненных явлений Максимом Максимычем и рефлексией Печорина — бездна. Но все же между ними есть общее свойство: роднит их ассоциативный принцип развития мысли. Так, история о Печорине, рассказанная штабс-капитаном, возникает как завершающее звено прихотливой цепочки ассоциаций: Максим Максимыч, отказываясь от рома, вспоминает о попойке, случившейся в самом начале его воинской службы, затем рассуждает о поведении подвыпивших черкесов, что воскрешает в его памяти одну горскую свадьбу, на которой Печорин впервые увидел Бэлу. Так от одного события, воспоминания к другому и движется разговор двух спутников, и начало этого разговора не предвещает такого поворота мысли штабс-капитана, такой сосредоточенности на личности Печорина.

Аналогичен принцип развертывания мысли и в «Журнале» Печорина. Правда, сами способы переключения с внешнего на внутреннее здесь более разнообразны. Размышление героя часто превращается в объяснение причин поступка, осмысление тех внутренних побуждений, которые и являются истинными мотивами поведения. При этом Печорин никогда не дает однозначного истолкования поступка. Разлагая на составные части свое чувство, он, как правило, выявляет множество мотивировок, и ни одна из причин не заменяет, не исключает других. Так, объяс-

няя, почему он лжет Грушницкому после происшествия со стаканом, Печорин говорит о желании «побесить», о «врожденной страсти противоречить», о зависти — и без каждого из этих мотивов не возникло бы полной эмоционально-психологической картины.

Нередко Печорин просто фиксирует движения души, конкретные, сиюминутные ощущения, эмоции, даже не пытаясь объяснить их. Его поражает сам факт внутреннего отклика, «отзыва» на внешние впечатления, ибо испытываемый им в данный момент комплекс чувств непредсказуем, неожидан для него самого⁴.

Переключение с внешнего на внутреннее может осуществляться и через подхват слова, промелькнувшего в речи. Слово оказывается «зацепкой», которая дает новый поворот мысли⁵.

Иногда Печорин волевым усилием прерывает поток «метафизических размышлений», которые далеко уведят от первоначального предмета рефлексии, и эта смена происходит незаметно. Так, начало записи от 3-го июня представляет собой поиск ответов на вопросы, связанные с той «игрой», которую затеял Печорин по отношению к Грушницкому («Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь»; «Из чего хлопочу?»). Однако очень скоро Печорин абстрагируется от ситуации, от своего «я». Его вопросы приобретают отвлеченный, универсальный характер (о счастье, гордости, страстях), а ответы на них представляют собой отточенные афористические формулировки. Возвращение к «презренной прозе» происходит, на первый взгляд, немотивированно: Печорин, дистанцировавшийся от своих размышлений, увидел их как текст («Перечитывая эту страницу, я замечаю, что далеко отвлекся от своего предмета...»), из-за чего разрушилась непосредственность, сиюминутность рефлексивного потока — в результате продолжить размышления в том же ключе не представляется возможным, поэтому Печорин переключается на другой объект.

Особое место в дневнике Печорина занимают фрагменты, которые представляют собой попытку встать на место другого, осознать возможное «чужое» восприятие, а также эпизоды, в которых герой воссоздает символическую картину своей души. В обоих случаях ситуация, на первый взгляд конкретная, утрачивает свою конкретность, приобретает универсальный, символический смысл. Говоря о своем сиюминутном состоянии или рисуя в своем воображении картину, Печорин по сути говорит о своих типичных ощущениях. Через единичное проступают устойчивые свойства его личности, выявляются доминанты характера, природные, а не сформированные средой и воспитанием черты натуры. Эти фрагменты дневника Печорина очень поэтичны. В них — не холодная логика тренированного ума, а яркая поэтическая вспышка тонко чувствующей художественной души. Вероятно, именно эти моменты имел в виду Белинский, когда писал, что в лермонтовском романе соединились «лирическая поэзия и повесть современной жизни». Ведь именно так, как нерасчлененный поток мыслей, чувств, ощущений, метафорических картин-зарисовок, развивается сюжет многих лермонтовских стихотворений. В этом случае возникает иллюзия непосредственного, спонтанного рождения мысли. Один из самых ранних образцов такого рода развития поэтической мысли — стихотворение «1831-го июня 11 дня», внешняя форма которого напоминает дневниковую запись. Построение стихотворения отмечено некоторой хаотичностью, которая обусловлена сменой предмета размышления. Спайка разных тематических кусков осуществляется на основе ассоциаций: медитация соседствует с метафорическими природными образами (цветок, туча, волны, береза в трещине развалин,

море, горы и т.д.), и каждый раз такое переключение рождает новые повороты поэтической мысли. Такой же ассоциативный разбег мысли мы наблюдаем и в стихотворении «Валерик». Лирический герой стихотворения, обращаясь к девушке, в начале своего послания следует такой тактике: сопрягает иронию и исповедь. При этом своим размышлениям в определенный момент придает черты логического рассуждения — для обоснования своего «права» на обращение к девушке он приводит «систему доказательств»: «Во-первых, потому, что много // И долго, долго вас любил...». Но так и ограничивается только первым аргументом — для того чтобы рассказ приобрел направление, обрел плоть (превратился в повествование о буднях кочевой военной жизни, о кровопролитном сражении), этого оказывается вполне достаточно.

Таким же образом развивается лирический сюжет в «Смерти поэта», «Памяти А.И. Одоевского» и т.д.

Литература и примечания

1. *Розанов В.В.* Неоценимый ум // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 521.
2. *Анненкова Е.И.* «Дума» М.Ю. Лермонтова в литературно-философском контексте 1830-х годов // Литература в школе. 1997, № 6.
3. Подробнее об этом см.: *Хализев В.Е.* О типологии персонажей в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина // Концепция и смысл. СПб., 1996; *Юхнова И.С.* Максим Максимыч как «житийно-идиллический» литературный сверхтип (Роман Лермонтова «Герой нашего времени») // Первая Нижегородская сессия молодых ученых гуманитарных наук. Нижний Новгород, 1998.
4. См., например: «Сердце мое болезненно сжалось, как после первого расставания. О, как я обрадовался этому чувству. Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять...».
5. Вот образец подобного переключения: «Таким образом, мои планы нимало не расстроились, и мне будет весело... Весело!.. Да, я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут то...».
6. К таким эпизодам можно отнести финал «Княжны Мери», где возникает образ матроса, выброшенного на берег, рассказ Печорина о любви к скачке на «горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра».